

__Рой Лихтенштейн,
«Аквариум с крас-
ными рыбками»,
скульптура, 1978

__Hublot Big Bang
Pop Art Yellow Gold
Apple

__Рой Лихтенштейн,
«Желтое яблоко»
и «Вертикальное
яблоко», скульптура
и холст, 1980–1990

__Энди Уорхол,
«Цветная Лиз»
(портрет Элизабет
Тейлор), 1963

__Энди Уорхол,
«Mao», 1973

первой работой, получившей статус «иконы поп-арта», был коллаж британца Ричарда Гамильтона «Что делает наши сегодняшние дома такими разными, такими привлекательными?». В нем все так, как в правильной рекламе — красивые лица, холеные тела, самые современные вещи, занимающие куда более важное место в композиции, чем владеющие ими люди. Но в этой «правильности» есть один изъян — здесь все слишком: и вещей многовато, и нагромождены они аляповато, и цвета убивают друг друга, и герои эти резиновые до невозможности. Британец Гамильтон, кстати, один из любимых авторов Жан-Клода Бивера, как и американец Рой Лихтенштейн, превративший в искусство растр комиксов и «пузыри» с текстом. Том Вессельман разобрал рекламу по косточкам, чтобы слепить свой мир утрированных рекламных тел, вещей и убийственно ярких цветов. А Клас Ольденбург и вовсе создал свой собственный Store, на «полках» которого соберутся гигантские муляжи кепок, галстуков, брюк, выключателей и кулинарных блюд, выполненных из цветной синтетики. Энди Уорхол начал множить расхожие образы масскульты и показал, что в статус иконы можно возвести любой объект, на который бросит глаз художник, от бутылки Соса-Сола или банки томатного супа до Ленина, Мэрилин Монро, Джоконды или банана. Но поп-арт — это не только конкретные произведения искусства, это идеология. После него искусство уже никогда не будет воротить нос от масскульты, китча, блесков, аттракционов. Общество потребления войдет в

плоть и кровь современного искусства. Уорхол разобьет один из самых устойчивых мифов о «настоящем художнике», который должен быть бедным, непонятым, несчастным, а еще лучше больным. Поп-арт научит художников быть богатыми и счастливыми. И покажет, что все может стать другим по мановению руки: и любая вещь станет искусством, и ирония не обязательно есть снобистское чувство, и «каждый человек имеет право на свои 15 минут славы». Почему же, спрашивается, иконой не могут стать часы? «Ну конечно, — настаивает Бивер, — часы это тоже искусство, и в этом своем качестве они вполне могут говорить о художественных ценностях». Он уже не первый год делает возданную им заново марку феноменом культуры. Он выпускает очень дорогие часы, но при этом ценит поп-арт за демократичность и свободу. Поп-арт питался комиксами — недолитературой, телевизором — псевдокино и рекламой, монументальной полуживописью. Все это художники тащили в свои работы, как щенок, подбирающий на улице всякую гадость. Была ли в этом ирония? Бодрийяр говорил, что нет, и отказывался видеть в поп-арте двойное дно. «Его улыбка, — говорил он с презрительной гримаской, — резюмирует в итоге всю его двусмысленность: это не улыбка критической дистанции, это улыбка сделки». Но если сделка и была, она заключалась с иронией, и восхищение банальностью мира было искренним. Поп-арт как стиль в искусстве как бы кончился вместе с 1960-ми. Но как способ видения он остался с нами. Это он запустил в мир невозможно до этого яркие цвета, это он научил нас смешивать их в самых опасных вроде бы сочетаниях, это у него нет полутонов и экивоков: красный — так вырви глаз, зеленый — так зеленее зеленого, желтый — так тут любой лимон отдыхает. Все наши кислотные краски, все наши блестки, латексы, стразики, люрексы, барби-цвет — все это послание поп-арта. Ничто не может быть стыдным, если нравится. В этом послание новой цветной серии Hublot, которая предназначена женщинам, но вполне может пригодиться и мужчинам. «Цвет — это жизнь, — заключает Бивер. — Цвет — это оптимизм, цвет — это радость, цвет — это любовь».

__Hublot Big Bang
Pop Art Steel Purple

__Hublot Big Bang
Pop Art Steel Blue